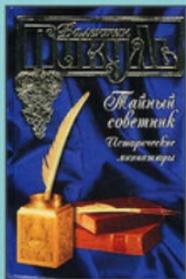

Валентин Пикуль

Человек известных форм

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Человек известных форм
Серия «Тайный советник», книга 24

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138656

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Среди множества неистребимых лихоимцев былого меня больше всего поражает личность Константина Скальковского. Тайный советник, писатель и балетоман, он служил вице-директором Горного департамента. Приведу случай из его яркой биографии. Однажды к нему, изнывая от страха, явился проситель – сибирский золотопромышленник.

– Ваше превосходительство, не подумайте чего-либо худого. Я ведь не человек, а – могила. Даже родная жена не узнает...

После чего он выложил перед вице-директором двадцать тысяч рублей. Скальковский небрежно пересчитал деньги:

– Вот что, милейший! Добавь к этому тридцать тысяч, не только жене рассказывай, а можешь даже в газетах напечатать, что Скальковский брал, берет и будет брать...»

Валентин Пикуль

Человек известных форм

Понятно, когда полководец, признанный народом, предстает перед нами при всех орденах. Зато страшно смотреть на разжиревшего борова, таскающего на себе пудовый иконостас из орденов, «заслуженных» на тучной ниве общенародного грабительства и рвачества. Не о таких ли вот пузырях, раздутых от непомерного чванства, еще в давние времена писал наш знаменитый историк князь Михаила Щербатов:

О муж почтенный, ты, украшенный звездами,
Подобно – как корабль обвешан лоскутами,
Скажи мне: для чего толико испещрен?
Созвездьем на тебя какой знак наложен?

Если уж мы решили поговорить о лихоимцах, то без экскурса в прошлое никак не обойтись. Наша великая литература перенасыщена фактами о взятках. Но я не знаю еще ни одного аспиранта-историка, который бы осмелился защищать диссертацию на тему о взяточничестве как социальном явлении. Если такой храбрец сыщется, я подскажу ему, с кого начинать и кем закончить.

Среди множества неистребимых лихоимцев былого меня больше всего поражает личность Константина Скальков-

ского. Тайный советник, писатель и балетоман, он служил вице-директором Горного департамента. Приведу случай из его яркой биографии. Однажды к нему, изнывая от страха, явился проситель – сибирский золотопромышленник.

– Ваше превосходительство, не подумайте чего-либо худого. Я ведь не человек, а – могила. Даже родная жена не узнает...

После чего он выложил перед вице-директором двадцать тысяч рублей. Скальковский небрежно пересчитал деньги:

– Вот что, милейший! Добавь к этому тридцать тысяч, не только жене рассказывай, а можешь даже в газетах напечатать, что Скальковский брал, берет и будет брать...

Взяточничество на святой Руси имеет давнюю и, прямо скажем, богатую историю. В канун нашего века ноздрей клещами не рвали, посему чиновники, уличенные в лихоимстве, смело представляли перед судом:

– Так чего не брать, если сами дают? Я ведь не просил у них денег – они сами несли. Даже плакали, чтобы я взял... Ну как тут не пойти навстречу страдающему человеку?

– А воздерживаться пробовали? – спрашивали судьи.

– Так воздержись я, он ведь, сукин сын, лишнюю сотню доложит и выше меня полезет, а я в дураках останусь. Меня ведь даже подчиненные засмеют, я всякий авторитет потеряю!

Но сейчас, опережая защиту научных диссертаций, я спешу поведать читателю о столичном градоначальнике Нико-

лае Васильевиче Клейгельсе, который в многотомной летописи великороссийского казнокрадства занял самое почетное место.

Мне известны его великодушные изречения:

«Дамы и господа, вы сами знаете, что я человек известных форм, а посему советую... лучше молчать!»

Для вызревания Клейгельса история отвела ему конюшни. Признаем за истину, что наш герой сидел в седле идеально: его плечо, колено и носок сапога составляли одну отвесную линию. Он четко проделывал «рысь на пяточке» или «галоп на месте», к чему способен не каждый. Кроме того, Клейгельс смолоду проявил сочный и выразительный талант, каким славятся цыгане на лошадиных ярмарках. Клейгельсу ничего не стоило с большой выгодой для себя продать пару гнедых, давно пригодных лишь для производства мусульманских бифштексов.

Когда летом 1868 года юный Клейгельс появился в драгунах лейб-гвардии, все оценили его посадку и хороший «срыв» по сигналу стартера. Инспектор кавалерии, великий князь Николай Николаевич, алкоголик с большим и заслуженным стажем, тоже одобрил умение, с каким Клейгельс брал любые барьеры:

– Подстричь хвост, и можно в мой эскадрон... Фа!

В этом эскадроне, вращаясь среди титулованной знати, корнет Клейгельс не повысил интеллекта, зато возымел же-

лание преуспеть в жизни, уповая на свою голенастую кобылу:

– Фа-фа-фа! Мою карьеру Глява далеко вынесет...

В ту пору он не думал еще о взятках, зато получал немало призов на знаменитых конкурсах в Михайловском манеже; там в ложах сидели красавицы столичного света, банкиры и адвокаты, балерины, бывшие на содержании немощных сенаторов, и упитанные «коты», бывшие на содержании балерин. По выстрелу стартера распахивались ворота паддока: галопируя на влажном песке, вылетал перед публикой Клейгельс, его пылкая Глява ни разу не помяла цветов у барьерной «корзинки», не задела копытом ни одного кирпича в только что сложенной «стенке». Оркестр гвардии исполнял праздничный туш, а дамы наводили лорнеты на победителя, слышался их говор:

– Опять этот душка Клейгельс! От такого кентавра, я уверена, не спастись никакой амазонке.

Все складывалось как нельзя лучше. А тут началась война на Балканах, и Клейгельс расценил ее как удачный повод для выдвижения. Свое геройство он проявил в должности конного ординарца великого князя Николая Николаевича, от которого получил первые ордена и чин ротмистра. Далеко позади остались балканские кручи с их незабываемой Шипкой; перед усталой кавалерией блеснули синие воды Мраморного моря, и здесь великий князь отблагодарил своего ординарца:

– Чтобы тебе отличиться, езжай в Петербург с известием его величеству о благополучном исходе войны...

Естественно, такого посланца ожидала высокая награда. Клейгельс получил от царя золотое оружие «за храбрость», его грудь украсилась аксельбантом флигель-адъютанта.

– Спасибо Гляве, – сказал он. – Взяла барьер...

Время после войны было спекулятивное. Петербург лихорадило в припадках наживы и прибылей. Обыватели зорко следили за курсом акций, в захолустье провинции рождались и лопались банки, в Английском клубе аристократы играли, ставя на последнюю карту золото стаканами, кокетки брезгливо морщились при виде сотенной, ибо свои грациозные шалости оценивали гораздо выше, кучера и дворники сверяли номера лотерейных билетов с таблицами, а газетные репортеры подсчитывали гонорары согласно прейскуранту столичных происшествий:

– Карманная кража – гривенник, из блинной лавки стащили ушат с тестом – пятнадцать копеек, поджог квартиры с целью получения страховки – полтинник, драка в публичном доме – рубль, опоздание брандмайора на пожар по случаю именин... ладно, пусть пятачок! Наконец, вчера престарелый бонвиван искушал на улице гимназистку – червонец, никак не меньше!

Столица развращалась, чтобы обогащаться, она же обогащалась, чтобы развращаться и дальше. Клейгельс размышлял:

– Где тот барьер, который надобно взять? Обидно, если другие раньше меня выйдут к призовому столбу...

Вскоре он занял место офицера для особых поручений при петербургском генерал-губернаторе и в 1882 году стал полковником. Николай Васильевич освоил солидность в поступках, жесты его сделались величавы, он холил седеющие бакенбарды, которые свисали со щек, словно две банные мочалки, и любую свою энциклику начинал обычно рефреном:

– Я достаточно известен как человек известных форм...

Было бы болото, а черти всегда найдутся. От орлиного взора Клейгельса не укрылось, что Акакии Акакиевичи в столичной канцелярии живут с бесподобной лихостью. Получая гроши жалованья, они хвастались лошадьми, у которых подковы отлиты из чистого серебра; даже мелкая чиновная тля, подшивающая входящие-исходящие, кутала плечи красавиц в роскошные манто. С чего бы такая роскошь? Клейгельс заметил, что чиновралы ретиво исполняли прошения, уголок которых чуть загнут, и они безжалостно откладывали «слезницы» без такого загиба. Сообразить нетрудно, что это потаенный сигнал: загнул проситель бумагу – даст, не загнул – дурак, жизни не знает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.